

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.35.18>

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА «ГАМЛЕТ В СОВХОЗЕ» КАК ЛИРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

Научная статья

Коптева Г.Г.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-0173-3586;

¹ Новосибирское высшее военное командное училище, Новосибирск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (galla-2[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу «маленькой» поэмы В. Федорова «Гамлет в совхозе». Размеры произведения позволяют отнести его также к стихотворениям в сборниках сочинений Василия Федорова. Однако в трехтомном собрании оно отнесено к разряду маленьких поэм, что представляется совершенно справедливым после тщательного рассмотрения сюжета данного произведения в свете теории литературы, ее раздела о родах, видах и жанрах. Это действительно – маленькая поэма, где можно усматривать, наряду с лирикой, очевидные признаки эпического. Ключевое лирическое событие стихотворения заключается в смене состояний лирического субъекта, позволяющей сделать вывод о том, что «всемирная отзывчивость» является одним из отличительных свойств русского народа, которое было подмечено и отражено автором поэмы.

Ключевые слова: маленькая поэма, мотивы страдания и со-страдания, лирический субъект, лиро-эпический стиль, лирическая нарративность, всемирная отзывчивость.

VASSILY FEDOROV'S SMALL POEM "GAMLET V SOVHOZE" [HAMLET AT THE STATE FARM] AS A
LYRICAL NARRATIVE

Research article

Kopteva G.G.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-0173-3586;

¹ Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk, Russian Federation

* Corresponding author (galla-2[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the analysis of V. Fedorov's "small" poem "Gamlet v sovhoze" [Hamlet in the state farm]. The size of the work allows to refer it also to the poems in the collections of works by Vasily Fedorov. However, in the three-volume collection it is classified as a small poem, which seems entirely fair after a careful examination of the plot of this work in the light of the theory of literature, its section on types, forms and genres. This is indeed a small poem where, along with the lyric, obvious signs of the epic can be seen. The key lyrical event of the poem lies in the change of states of the lyrical subject, which allows to conclude that "universal sympathy" is one of the distinctive qualities of the Russian people, which has been noticed and reflected by the author of the poem.

Keywords: small poem, motifs of suffering and co-suffering, lyrical subject, lyric-epic style, lyrical narrativity, universal sympathy.

Введение

У Василия Федорова есть поэмы большие и маленькие. Количество тех и других примерно сопоставимо – и тех, и других более десяти, а в целом их около трех десятков. И если о «больших» поэмах данного автора исследователи уже писали (имеем в виду здесь, в первую очередь, кандидатскую диссертацию Абакаровой Л.О. «Поэмы Василия Федорова» [1]), то маленькие поэмы, да и в целом творчество сибирского поэта, еще не подвергались пристальному рассмотрению. Одна из них – «Гамлет в совхозе» – предмет настоящей работы.

Это маленькая поэма Василия Федорова, само название которой уже содержит в себе некое противоречие, оксюморон: *Гамлет* в сочетании с *совхозом* звучит почти парадоксально. Содержание стихотворения В. Федорова можно поэтому рассматривать как своего рода «единение» атеистического «с христианским, духовного с мирским, военного с мирным», следуя логике М.Л. Гаспарова [2, С. 195], в некотором смысле. Поэма, помимо прочих заложенных в ней мотивов, отчасти помогает понять пресловутую (в самом хорошем смысле) «загадку русской души». В стихотворении (поэме) описывается ситуация просмотра советского кинофильма «Гамлет» в одном из деревенских совхозных клубов. Рассмотрим ее.

Методы и принципы исследования

В исследовании использованы методы и принципы: аналитический, сравнительно-исторический, теоретико-литературный, описательный, герменевтики и др.

Основные результаты

Уже в самом начале автором констатируется наличие множества («сто») разных лиц – в помещении. Само собой разумеется, в клубе, когда демонстрируется кинофильм, и должно быть много людей, но ключевая в первой строфе параллель такова:

Сто разных вздохов,
Как одно дыхание,
И как одно лицо,
Сто разных лиц... [3, С. 113].

Итак, население некой совхозной деревни смотрит кино по известной шекспировской трагедии. На киноэкране «страдает» датский принц Гамлет – далекий, в сущности, для простого русского человека литературный персонаж. Лирический герой стихотворения тоже наблюдает – в темноте кинозала – разворачивающуюся драму. Наблюдает и мучается теми же муками, что и известный всему миру принц: отец злодейски умерщвлен, мать давно делит супружеское ложе с убийцей и как будто счастлива, сознание Офелии отравлено ложью, а Гамлет «кожей чувствует», что вокруг него плетутся нити заговора. Он «страдает» – данный глагол повторяется в поэме 8 раз (NB!). Это позволяет сделать вывод: мотив страдания эксплицитно обозначен автором как основной. Более того, он исподволь подсвечен мотивом смерти: «Волны мчатся к скалам, / Чтоб умереть / У датских берегов...» [3, С. 114].

Целесообразно напомнить, что любое *страдание* не бывает бессмысленным. Это понимали еще древние. Архаический человек и человек традиционных культур всегда жил, как утверждает М. Элиаде, согласно архетипам, «в сердцевине *реальности*», соблюдая «закон» как изначальную иерофанию. В рамках такого существования «страдание» и «горе» не означали бессмысленное испытание, которое человек может лишь «переносить». Каким бы ни было страдание по своей природе и какова ни была бы его видимая причина, – «*страдание человека имело смысл*; оно всегда соответствовало если и не какому-то прототипу, то, по крайней мере, некоему порядку, ценность которого не подвергалась сомнению» [4, С. 84-85]. Хотя дохристианское человечество еще не искало страдания как средства очищения и духовного возвышения, «оно никогда не относилось к страданию как к чему-то *лишенному смысла*» [4, С. 85]. Страдание издревле являлось естественной составляющей человеческой жизни. И являлось, отчасти по этой причине, источником творческого вдохновения поэтов и писателей. Мотив страдания и в данном произведении – главный, основной, и с ним когезивно-логически связан мотив *со-страдания*. Читая стихотворение, реципиент словно наблюдает этот пыльный сельский кинозал глазами лирического героя, он видит льющийся с экрана «странный свет» и – трагедию «времен и народов» как будто «из глубин веков».

Страдает Гамлет...
Свет пылит пыльцой,
Бледней волос
Загубленной датчанки.
В нем вижу я
Скорбящее лицо
Еще не старой,
Но седой сельчанки [3, С. 114].

Эта немолодая русская сельчанка в кинозале плачет «тихой слезою» над страданиями отпрыска датских королей, и данное явление поражает лирического героя даже больше, чем мастерство кинематографической постановки самой трагедии. «Что Гамлет ей?» – чтобы так терзаться? Гамлетовский экзистенциальный вопрос «о том, как быть» она сама решала на протяжении жизни «сто раз». И «сколько-сколько / Горестных трагедий / Она сама успела / Пережить!» [3, С. 115]. В смутные, тяжелые годы вражеского нашествия – Великой Отечественной Войны – она тоже встречалась неоднократно с «тенью» своего погибшего отца:

В тот смутный год,
Что страхами измерен,
К ней тоже приходила
Тень отца... [3, С. 115].

Мегафорический параллелизм служит и сравнению, и, одновременно, сопоставлению-противопоставлению двух воспринимаемых реципиентом трагедий: строфа заканчивается следующими словами: «Но не ко мщению звала, / А ко вере» [3, С. 115]. Когда погиб и муж – несчастная женщина мгновенно поседела от «смертной» боли:

Что Гамлет ей?
Она дышала адом,
Прошла войну
Со смертною бедой.
Уже сраженный,
Муж нездешним взглядом
Ее увидел,
Ставшую седой [3, С. 115].

Вот эти три последние строки – вставной микроэпизод – хорошо поймут духовно ориентированные читатели двадцать первого века, многие из которых не склонны безоговорочно верить, что жизнь *заканчивается* с прекращением земного существования. Но подобные строчки в начале второй половины века двадцатого (ориентировочно – 1963 г.) внимательному к деталям советскому критику совершенно точно могли бы показаться странными. Как и то, что «тень отца» звала (призывала) к *вере*. Какой вере – как будто объясняет очередная строфа поэмы – о том, что родную землю «делали чужою, / Скупую, / Неотзывчивой на труд» [3, С. 115]. Призывала тень погибшего отца к вере в победу, да; но именно здесь звучат слова: «холодную душой ... не все поймут» [3, С. 115]. Вероятно, речь – не только о вере в Победу, имплицитный намек на веру другую здесь тоже есть. И в этом убеждает нас следующая строфа:

Но с высоты
Страданья своего,

С вершины веры,
 Что неугасима,
 Она в душе
 Боится за него,
 Как мать боится
 За родного сына [3, С. 116].

С высоты страдания и с вершины веры – эти равновеликие по масштабам истоки *сострадания* сельской женщины говорят о глубокой духовной (вероятно, религиозной) убежденности, о большом нравственном начале ее души и присущей русскому человеку «*всемирной отзывчивости*». Здесь лирическим субъектом, который «сопряжен с позицией повествователя» [5, С. 30] манифестируется прямой ответ на риторический, казалось бы, вопрос: «Что Гамлет ей?»

Сто разных вздохов,
 Как одно дыхание,
 И как одно лицо,
 Сто разных лиц...
 В совхозном клубе
 На киноэкране
 Страдает Гамлет,
 Юный датский принц... [3, С. 116].

Поэма начиналась и заканчивается одной и той же строфой. Последняя строфа, таким образом, композиционно закольцовывает лирический нарратив. Лирический субъект-повествователь изложил здесь свою «маленькую» историю, имеющую, однако, большое значение в плане воздействия на реципиента: он сам пережил две трагедии одновременно и позволил читателю глубоко прочувствовать пережитое.

Стихотворение не включалось автором в сборник «больших» *поэм*, поэтому должно, казалось бы, отнесено быть к лирическому роду, однако сама структура позволяет его рассматривать не только в этом смысле. Это действительно – маленькая поэма, где можно усматривать, наряду с лирикой, признаки эпического: во-первых, налицо «временная дистанция» и «ситуация рассказывания» [6, С. 247]; во-вторых, повествование «ведется от имени ... условного рассказчика, свидетеля, участника ... событий» [6, С. 244]. Здесь имеет место именно повествование, а не просто лирическое событие. В то же время, ключевое лирическое событие произведения заключается именно «в смене состояний лирического субъекта» [5, С. 26]: от переживаний по поводу широко известной трагедии Шекспира – до вызванного слезами сельской женщины по поводу этой трагедии глубокого эмоционального всплеска. Очевидно, что герой сумел «подсмотреть»-дорисовать ментально две трагедии одновременно, в ситуации просмотра фильма «Гамлет» в обычном сельском клубе. Повествовательные и – вместе – лирические элементы позволяют рассматривать произведение как своеобразную «повествовательную лирику», где возможно расставить «вехи сюжета»; а нам хорошо известно, что чистая лирика в *этом смысле* – «бессюжетна» [7, С. 5]. *Лирико-эпический стиль* как таковой подразумевает предельную обобщенность, отстраненность, сведение моментов «лирической концентрации» (термин Т.И. Сильман) [8] к рассказу о некотором главном Событии (событиях). В этих событиях, как они подаются, отражается сущность мировосприятия автора, сущность его *художественного мира*, реализованного в пространстве и времени, воссоздаваемых в отдельно взятом литературном произведении. Главное событие в рассматриваемой поэме – катарсис, переживаемый лирическим субъектом в момент наблюдения за плачущей в темном кинозале крестьянкой – по поводу и на фоне страданий датского принца Гамлета.

Уместно в этой связи вспомнить, что вообще «поэзия и проза не оторваны друг от друга, они взаимопроницаемы и складываются в разнообразные гибриды. Стих и проза не совместимы по структуре и способны лишь оттенять друг друга. Лирика и эпос чужеродны по родовой классификации, но их отношения противоречивы: они и отталкиваются, и притягиваются, а в случае лироэпоса даже взаимовключены» [7, С. 3]. Именно с таким «лироэпическим гибридом» мы имеем дело в данном случае. Автор не только наблюдал описываемый эпизод, но глубоко прочувствовал, представил увиденное и сопоставил с известными ему фактами, а итогом всему пережитому стала эта «маленькая» по объему и большая по смысловому содержанию поэма. Момент лирической нарративности, воспроизведение событийности лиро-эпического плана здесь реализуются посредством «избытка видения» и связанного с ним эффекта «разведения двух познавательных инстанций – участника бытийной ситуации и созерцателя «драмы существования» [9, С. 68].

Заключение

Драма в данном случае помогает реципиенту осознать, что важная составляющая русской души – способность к всемирной отзывчивости. Сегодня многим из нас это понятно – как никогда, на протяжении столетия, ранее. Тезис о «всемирной отзывчивости» как характерной черте русского народа был высказан Ф. М. Достоевским в его знаменитой речи о Пушкине (1880). Способность к глубокому проникновению в дух других народов, к понимающему и сочувствующему отношению к иным культурам, к иным народам является одним из коренных отличительных свойств русского народа в целом. Эта «необыкновенная способность» усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций и сочувствовать им особенно выразилась, по мнению Достоевского, в поэзии Пушкина. Данное свойство было названо писателем «всемирной отзывчивостью» [10, С. 544]. Подмечено оно и сибирским поэтом Василием Федоровым – уже в XX веке, подмечено с исключительной пронизательностью, благодаря и вследствие собственной отзывчивости и духовной наполненности, благодаря способности видеть в человеке его главную суть и ценность.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.35.18.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.35.18.1>

Список литературы / References

1. Абакарова Л.О. Поэмы Василия Федорова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л.О. Абакарова – Махачкала, 2007. – 157 с.
2. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях / М.Л. Гаспаров – М., «Фортуна Лимитед», 2001. – 288 с.
3. Федоров В.Д. Собрание сочинений в 3-х т., т.2. Поэмы / В.Д. Федеоров - М., Молодая гвардия, 1975. – 464 с.
4. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избранные сочинения / М. Элиаде – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.
5. Силантьев И.В. Мотив в системе категорий нарратива / И.В. Силантьев // Материалы к Словарию сюжетов и мотивов русской литературы. Вып.4: Интерпретация текста: Сюжет и мотив – Под ред. Е.К. Ромодановской – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2001. - С. 13-35
6. Тмарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум / Н.Д. Тмарченко – М., Издательский центр «Академия», 2004. – 400 с.
7. Сюжет, мотив, история: сборник научных статей / Институт филологии СО РАН – Новосибирск: Наука, 2009. – 312 с.
8. Сильман Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман – Л.: Советский писатель, 1977. – 223 с.
9. Бройтман С.Н. Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века: учебное пособие по спецкурсу / С.Н. Бройтман – Махачкала, 1983. – 80 с.
10. Достоевский Ф.М. Избранные сочинения / Ф.М. Достоевский – М.: Художественная литература, 1990. – 606 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abakarova L.O. Poemy Vasiliya Fedorova [Poems by Vasily Fedorov]: dissertation for PhD in Philological Sciences / L.O. Abakarova – Mahachkala, 2007. – 157 p. [in Russian]
2. Gasparov M.L. Russkij stih nachala HKH veka v kommentariyah [Russian verse of the early twentieth century in the comments] / M.L. Gasparov – M., «Fortuna Limited», 2001. – 288 p. [in Russian]
3. Fedorov V.D. Sobranie sochinenij v 3-h t., t.2. Poemy [Collected works in 3 volumes, vol. 2. Poems] / V.D. Fedeorov - M., Molodaya gvardiya, 1975. – 464 p. [in Russian]
4. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii: Izbrannye sochineniya [The Myth of Eternal Return: Selected Works] / M. Eliade – M.: Ladomir, 2000. – 414 p. [in Russian]
5. Silant'ev I.V. Motiv v sisteme kategorij narrativa [Motive in the system of narrative categories] / I.V. Silant'ev // Materialy k Slovaryu syuzhetov i motivov russkoj literatury. Vyp.4: Interpretaciya teksta: Syuzhet i motiv [Materials for the Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature. Issue 4: Interpretation of the text: Plot and motive] – edited by E.K. Romodanovskaja – Novosibirsk: «Sibirskij hronograf», 2001. - pp. 13-35 [in Russian]
6. Tamarchenko N.D. Teoreticheskaya poetika: Hrestomatiya-praktikum [Theoretical Poetics: A Practical Textbook] / N.D. Tamarchenko – M., Publisingh centr «Akademiya», 2004. – 400 p. [in Russian]
7. Syuzhet, motiv, istoriya: sbornik nauchnyh statej [Plot, motive, history: collection of scientific articles] / Institut filologii SO RAN – Novosibirsk: Nauka, 2009. – 312 p. [in Russian]
8. Sil'man T.I. Zаметки o lirike [Notes about the lyrics] / T.I. Sil'man – L.: Sovetskij pisatel', 1977. – 223 p. [in Russian]
9. Brojtman S.N. Problema dialoga v russkoj lirike pervoj poloviny XIX veka: uchebnoe posobie po speckursu [The problem of dialogue in Russian lyrics of the first half of the XIX century: a textbook on a special course] / S.N. Brojtman – Mahachkala, 1983. – 80 p. [in Russian]
10. Dostoevskij F.M. Izbrannye sochineniya [Selected writings] / F.M. Dostoevskij – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 606 p. [in Russian]